

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ/СХЕМАТИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ОГРАНИЧЕННОСТИ

протоиерей Сергей Рыбаков

Библейский подход к означенной теме принуждает обратиться к Слову Божию, описывающему сотворение человека. Не пересказывая известного текста книги «Бытия», выделим самое существенное о познавательных возможностях человека. Адам творится Богом со значительным знанием, которое Бог вкладывает в него в целях дальнейшего соработничества в устройении созданного в предыдущие пять дней мира. Здесь необходимо выделить несколько аспектов. Во-первых, Адам получает необходимые знания о мире, что было проявлено при наречении имён животных; во-вторых, он получает инстинкт к познанию, без чего невозможно дальнейшее выполнение заповеди об обладании миром – «наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1: 28). В-третьих, Адам получает нравственные законы, которые касаются не только отношения человека к человеку, но и отношение человека к природе, как творению Божию. Наконец, в-четвёртых, Адам получает эстетические каноны, без которых невозможно следовать словам Бога «И увидел Бог, что [это] хорошо». Следует отметить, что всё, полученное от Бога, не является чем-то внешним, но сопрягается со всем существом Адама и его потомков.

Грехопадение существенно повреждает всю природу человека, в том числе и его познавательные способности, что сказывается на возможностях правильного отражения в сфере сознания реальных объектов, явлений и процессов этого мира. Причина произошедших изменений в том, что человек перестаёт видеть окружающий его мир в свете Божественной Истины, познавательный инструмент сужается и искажается. Как следствие, повреждённость человеческой природы сказалась на сокращении коммуникативного потенциала, в том числе на спо-

собности и качестве передачи знаний от человека к человеку. Человек отныне вынужден даже ясную и интуитивно верную мысль развёртывать в словесную цепь и облекать в ризы имеющихся понятий и грамматических форм, что накладывает дополнительные искажения на каждом этапе трансляционного процесса. Таким образом, в гносеологическом аспекте имеет место следующий процесс: отражение реальности, осмысление реальности и передача знания о реальности в формате одной из имеющихся языковых форм. По сути осмысление реальности происходит в некоем модельном/схематическом виде, который оформляется в конкретной языковой модели (например, в физико-математической модели).

Разрыв человека с Богом порождает каскад разрывов: человека с человеком, человека с природой, разрывы внутри самого человека и в недрах самой природы – «проклята земля за тебя» (Быт. 3: 17). Двойственная природа человека – принадлежность к этому миру с одной стороны и наделённость «дыханием жизни» от Бога («Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь» (Иов. 33:4)) с другой – порождают антиномичность восприятия мира и себя в мире.

Укоренённость в природе приводит к синхронному с ней распаду и разложению, отражённому, также и в процессах мышления, в той мере, в какой мышление «сращено» с этим миром в его «проклятости» Богом. Кроме того, в любой деятельности человека (отнюдь не только в сельском хозяйстве) проявляется «проклятие» произрастания «терний и волчцов» – «терния и волчцы произрастят она тебе» (Быт. 3: 18). Произрастание нежелательных плодов наблюдается особенно отчётливо в попытках создания систем жизнедеятельности человеческих сообществ. Недостижимость всеохватности для человеческого ума – очевидное препятствие в деле системного и непрерывного управления земными и социальными процессами, которое только возрастает по мере удаления человечества от Бога. Не случайно с самого начала попытки

представить идеальную систему управления – «совершенное государство» Платона, например, – сводятся к богоборческому требованию уничтожения человеческого в человеке через ликвидацию основных институтов – многогамной семьи, частной собственности и национальных государств¹. Именно в этом состоит суть язычества, которое можно определить как идеологию построения рая на земле. Тысячелетние труды в этом направлении завершатся так, как это описано в Апокалипсисе Иоанна Богослова: «я увидел Ангела, сшедшего с неба и имеющего власть великую, земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал, Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу» (Откр. 18: 1-2).

К концу XIX в. апостасийный процесс достиг такой степени, что позволил провозгласить «смерть Бога». Как пишет иеромонах Серафим (Роуз): «Ницше уже мог видеть, как "смерть Бога бросает свою первую тень на Европу", и – хотя "событие само по себе было слишком велико, слишком удалено, слишком превосходило возможности восприятия большинства людей, чтобы предположить, что сообщение о нём могло бы дойти до их сознания" – детьми этого грядущего века (Friedrich Nietzsche, *The Joyful Wisdom*, *343) – века, если мы вспомним, триумфа нигилизма – стали такие же люди, как Ницше»².

Утрата Бога – Источника Жизни – приводит массовое сознание к ощущениям беспокойства: «Впервые за всю историю беспокойство распространяется сегодня на

¹ Достаточно вспомнить работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» где планы уничтожения институтов семьи, собственности и национальных государств принимают своё псевдонаучное оформление. Эти программные установки, которые, как показал И.Р. Шафаревич в работе «Социализм как явление мировой истории», можно обнаружить во всей истории человечества, в дальнейшем имеет смысл именовать «Вавилонской программой», поскольку начало этому положено в строительстве Вавилонской башни.

² *Серафим (Роуз), иером.* Человек против Бога. М.: Российск. отд. Валаамского Общества Америки. 1995. С. 41.

столько широко, что представляется почти всеобщим. "Обычные" лекарства, лекарства здравого смысла, по-видимому, не способны оказать на него никакого воздействия, наоборот, только усиливают его. Его развитие происходит параллельно распространению современного безверия, так что если одно и не служит причиной другого, то оба они представляются параллельными проявлениями одного и того же процесса. Эти положения так тесно связаны друг с другом, что их невозможно разделить»³.

Дальнейшее движение в апостасийном процессе фиксируется в первую очередь в том, что современное массовое сознание приобретает свойства фрагментарности, расщеплённости, клиповости, что свидетельствует о его распаде, разложении. И здесь следует подчеркнуть связь процессов, происходящих в массовом сознании с процессами космическими, что достаточно аргументировано показал Н.А. Бердяев в своей работе «Кризис искусства». Рассматривая живопись конца XIX и начала XX столетий, Бердяев выделяет в ней направление, развиваемое художником П. Пикассо. Изучение его полотен позволяет философу сделать целый ряд важных открытий религиозно-философского содержания.

«Материальные покровы мира начали разлагаться и распыляться и стали искать твёрдых субстанций, скрытых за этим размягчением. <...> Последний пласт материального мира, открывшийся Пикассо-художнику после срывания всех покровов, – призрачный, а не реальный. Пикассо – беспощадный разоблачитель иллюзий воплощённой, материально-синтезированной красоты. <...> Он, как ясновидящий, смотрит через все покровы, одежды, напластования, и там, в глубине материального мира, видит свои складные чудовища. Это – демонические гримасы скованных духов природы. Ещё дальше пойти вглубь,

³ Там же. С. 42.

и не будет уже никакой материальности, – там уже внутренний строй природы, иерархия духов»⁴.

Т. е., согласно Бердяеву, Пикассо в своём творчестве отразил и выразил на полотнах своих картин реальный распад материального мира, и это нашло понимание у зрителей, которые интуитивно ощущали тоже самое, и им «понравилось» увидеть подтверждение своего собственного видения.

Однако, наряду с выше означенной фракцией антиномии, существует и иная – та, что от Бога, которая делает человека больше всего мира: «какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит». Т.е. вопрос Христа не о том, может или не может человек «приобрести весь мир», а о том, полезно ли это для человека. Выявить свою «величину», которая больше чем весь этот мир, достаточно просто. Можно обратить внимание на то, что мы задаём вопросы, на которые не может быть дан ответ в принципе! Что такое время? Что такое пространство? Что есть жизнь? Что есть разум? Мы даже можем вопрошать о том, Кто есть Бог, что говорит о приобщённости (через усыновление, а не по природе) человека к Богу: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрёте, как человеки, и падёте, как всякий из князей» (Пс. 81: 6-7). Именно наличие возможности «подняться» над миром, «встать» в стороне от него и быть некоторым образом «отчуждённым» миру сему, позволяет человеку формировать разного уровня абстрактные понятия, термины и категории. Ещё один аспект этой особенности человека в том, что он сотворён для Вечности, что даёт возможность видеть этот мир как бы пронизанным её лучами. Такое состояние является естественным для православных (крещённых), кто, ведя благочестивую жизнь «соделались причастниками Божеского естества» (2 Петр. 1: 4).

⁴ Бердяев Н.А. Кризис искусства. Репринтн. изд. М.: СП Интерпринт, 1990. С. 8-9.

Многообразии, сотворённого Богом мира, и отсутствие в падшем состоянии того, что можно именовать «светом Истины» в совокупности с неутраченными способностями видеть мир, как бы, со стороны, из вне, создаёт для человека потребность формирования совершенно особенного объекта – модели мира. Таковы, например, модели древней Месопотамии, древнегреческие модели, и т.д. Единственно кто не имел нужды строить космологические и космогонические модели были древние евреи, которым Сам Бог поведал о Своих трудах по сотворению и устройению мира. Кроме того, Ветхий Завет содержал и указания о том, как должен жить человек и весь еврейский народ, чтобы наследовать жизнь вечную. Однако при этом до воплощения Сына Божьего Иисуса Христа общее устройство человека оставалось за скобками космологической картины. Именно христианство ставит и даёт ответы на вопросы о человеке как центре всего мироздания. Но при этом с необходимостью возникает сосредоточение на Том, Кто явил в себе Идеального Человека, что одновременно приводит к формированию христоцентрической антропологии и позволяет сравнивать различные качества и свойства наличного человека с эталоном, данным во Христе.

Святыми отцами сразу же была осознана модельная триада: дух, душа, тело (трихотомия), в которой основными объектами интереса выступали дух и душа. Следует отметить, что святыми отцами человек рассматривался в весьма динамичной схеме/модели – восхождение к святости – нисхождение к вечной гибели. Не случайно одно из самых значимых святоотеческих произведений озаглавлено как «Лествица». При этом акцент делался в первую очередь на второй части выше означенной антиномичности человека – его способности не принадлежать этому миру. Отчасти этому способствовало и господство статических моделей мироздания – мир понимается как «во зле лежащий», но при этом достаточно стабильный; проносящиеся бури катаклизмов, войн, эпидемий и пр. не

меняют существа самого мира, его глубинных основ. Цивилизационные процессы были ещё не достаточно глубоки, чтобы говорить о совместном движении человечества и космоса к исчерпанности природного ресурса, данного Богом.

К концу XIX в. ситуация существенно меняется. Прогресс науки, техники и технологий позволяет видеть, что утраченные духовные основы бытия, человечество (по Промыслу и попущению Божьему) компенсирует за счёт срывания «материальных покровов» и использования находящихся там сокрытых ресурсов. При этом общая хаотизация начинает существенно возрастать, формируя потребность в создании новых систем жизнеобеспечения и управления. Но все эти системы при всей их гибкости и динамичности в принципе могут быть основаны только на неполных и неполноценных знаниях, организованных в некие схемы/модели. Иначе говоря, схемы/модели всегда несут в себе элементы неполноты, неадекватности, статичности.

Особенность последнего времени состоит в том, что благодаря научно-техническому прогрессу существенно расширяется виртуальная сфера бытия. Она возникла сразу же после грехопадения, просуществовала в виде мифов, моделей мира, в разных видов науки, искусства и литературы, и, наконец, приобрела должную динамичность в аналоговых и цифровых аппаратах средств связи и коммуникации. Параллельно с ростом виртуальности стала умножаться возможность управления человеком и массовым сознанием целых народов и наций. В свою очередь возможность управления сгенерировала потребность в схемах/моделях как отдельного человека, так и человеческих сообществ, а также схем/моделей управления ими.

Одна из важнейших систем долгосрочного и перспективного управления – это система образования. Её цель – воссоздание в каком-либо виде нового поколения людей. При этом важнейшая проблема, возникающая в

сфере образования – это проблема исторического человека как звена в цепи поколений, как наследника предков и транслятора потомкам чего-то наиболее существенного, значимого и актуального для всех времён, а следовательно и для вечности. Такой человек есть субъект, погружённый в историю своего народа, в родовое древо с его генетическими потенциями и повреждениями, связанными с субъект-субъектными отношениями человек-Бог. Таким образом антропологическая модель/схема в православной парадигме становится моделью динамической, требующей от системы образования практического применения православной диалектики, в формате которой снимаются противоречия бытие–небытие, время–вечность, жизнь–смерть, разум–безумие, святость–греховность, любовь–ненависть и пр. в отношении к каждой отдельной личности.

Масштабность задачи создания такой формализованной модели, скорее свидетельствует о невозможности её реализации, поскольку наши педагогические возможности не сравнимы с педагогическими возможностями Самого Бога, Который даровал человеку свободу такую, что Сам Своё положение в отношении человека выразил словами: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3: 20). Протопресвитер Василий Зеньковский по этому поводу пишет: «Проблема воспитания добра или направления ребёнка к добру есть не частичная проблема воспитания, а главная и основная проблема. В этой то задаче мы становимся лицом к лицу с загадкой свободы, с невозможностью принудительно привести дитя к добру, с мучительным сознанием того, что вся работа воспитания может быть сведена к нулю этим началом свободы. Глубина свободы в человеке, если угодно, мешает воспитанию, но что бы мы ни говорили,

нельзя воспитать к добру как то помимо свободы и вне её»⁵.

Когда рассматривается вопрос о педагогической работе в современной системе образования, то почти «естественным» образом устраняется то главное, что выделяет отец Василий Зеньковский, а именно то, что «человек всегда и во всём духовен». Поэтому современная система образования есть система формирования протестантско-атеистического религиозного типа человека, рассматриваемого как функция определённого вида деятельности. Православный подход предполагает «Преображение» человека, а не преобразование его в функционал гомоморфно отображающий пространство жизненных проблем в поле деятельности по их устранению.

Но наше (православное) вхождение в современную педагогическую систему потому и затруднено, что система берётся решать статистическую задачу преобразования, тогда как православие стремится решать задачу индивидуально-личностного Преображения. И как результат, видимо, следует поставить вопрос о том, что может православная педагогическая парадигма сгенерировать для коррекции статистической задачи? И ответ будет тогда следующий: мы не можем предложить статистически невыполнимую программу «Преображения», но можем предложить комплекс *необходимых* педагогических условий, определяющих устойчивость статистической системы. Но такие условия формируются из рассмотрения самих статистических систем, из области взаимодействия их подсистем, которые должны определяться, если мы хотим оставаться на базе православной парадигмы, в формате библейских категорий, таких, как народ, Церковь, государство, секты, другие конфессии и пр.

Некой промежуточной формой между индивидуально-личностной проблемой «Преображения» и статисти-

⁵ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете православной антропологии. Paris: YMCA-PRESS, 1934. С. 49.

ческой моделью преобразования является схема классификации индивидуальных состояний. Это статичная модель, представляющая собой матрицу (сейчас неважно как она выглядит), подобную таблице Менделеева или Стандартной модели (элементарных частиц). В такой матрице можно выделить несколько уровней знаний, умений и навыков, в том числе и в области духовно-нравственной, но только в той её части которая фиксирует наличие или отсутствие явного греха/порока или присутствие добродетелей.